

Ростислав РЫБАЛЬЧЕНКО,
писатель, этнограф, педагог
(г. Харьков)

ПОЛУДЕННЫЙ ПОЭТ

Есть два вида наслаждений: своим и чужим творчеством, в данном случае — поэзией харьковчанина Сергея Шелкового.

Говорить о поэзии и вообще об искусстве всегда отраднo — это не разговор о суетном и будничном, а всегда раздумье о духовном и высоком. Это словно уход в другой мир, гриновский город Зурбаган — ирреальный и прекрасный.

Поэзия — вечная тайна, даже Борис Чичибабин, по его признанию, не брался определить, что такое поэзия. Это особый жанр, где все иначе: мало слов, но много воздуха, звуков, намёков, образов, порой призрачных, пленительных, а порой, имеющих силу философского прозрения и космического обобщения. Тут особенно ощутимо настроение, и стихи становятся живыми «камешками на ладони». Давно заметил, что стихотворные сборники, которые наиболее часто берёшь в руки и не раз перечитываешь, — словно классическая музыка, никогда не раскрывают до конца своей тайны. Пушкин, и вообще классики, — тому пример, да только ли они?

Сергей Шелковый уже не новичок в поэзии, он издал несколько книг и на сей раз выпустил в свет стихотворный сборник «Листы пятикнижья». Он включил в него стихи из пяти своих предыдущих книг, и значит, это — избранное, лучшее из написанного поэтом. Так оно и есть — в «Листах пятикнижья» действительно много хороших стихов. Не буду вдаваться в их анализ, это уже сделал филолог и поэт Игорь Лосиевский в обстоятельном послесловии «Дня не пройдёт, чтобы тысячи лет не прошло...».

В новой книге Сергея Шелкового нет и близко того «псевдо» (гражданственности, энтузиазма, неустанной борьбы), что ещё совсем недавно считалось главным достоинством литератора, не говоря уже об отсутствии в сборнике «паровозов», панегириков власти, которые традиционно открывали ранее двери издательств.

Поэзия С. Шелкового — глубоко субъективна, индивидуальна, в ней всё — о личном, пережитом, увиденном, услышанном, о живых и близких поэту впечатлениях. Но кому это стало бы

интересно, если бы не было озарено светом поэзии, личности мастера?! Думаю, что в яркой личностной освещённости стихотворений и состоит главная ценность сборника.

Автор наделён счастливой способностью видеть, он замечает и слышит всё буйство красок и звуков, окружающих нас. Но как редко видим и слышим их мы сами, угнетённые своей повседневностью! Всё запечатлевать, возвращая потом в чудесном преображении читателям, — свойство поэтов-художников. И вслед за ними мы и сами видим — как будто бы заново, как будто в первый раз. Видим и осознаём с удивлением и благодарностью.

*Кто не спешит, тот слушать не устал.
И он ещё поймёт слова иные...*

Образы, созданные поэтом, словно полотна художника Сергея Васильковского — запоминающиеся и яркие, они сотканы дивными сочетаниями, казалось бы, обычных слов: импрессионистское — «Вишни спелые, белая скатерть», тютчевско-бунинское — «Бледно-лиловые астры в сумраке стылого сада», декадентское — «Запах флоксов, дурман увяданья», натюр-морт, вернее, натюр-вита: «Охалка белых астр в стеклянной вазе». И ворох книг потёртых на столе», «в голубом молоке полнолуния», «золотистая плазма былин», «груз фамильной чашки» — тут целые россыпи впечатляющих и незабываемых метафор.

Словно старых знакомых встречаешь в стихах Сергея Шелкового Харьковскую крепость, Благовещенский рынок, Шарукань, Холодную и Лысую Гору, улицы Пушкинскую и Рымарскую.

География поэзии С. Шелкового беспредельна: Слобожанщина и далёкие Генуя, Гамбург, Рейн, Прага... В его стихах оживают и образы героических фигур из прошлого Украины и дорогие сердцу современники — словно стремится поэт объять весь мир! А как жива здесь любимая им природа: деревья, цветы и травы, озёра и реки, лес и птицы!

Он по праву может сказать словами И. Бунина: «Радость жизни во всём я ловлю: в звёздном небе, в цветах, в ароматах...» Не случайно так много у автора «Листов пятикнижья» сильных и гармонических стихотворений о Крыме, Тавриде, о древней земле Киммерии. Поэзия Шелкового проникнута неподдельной любовью к родному краю, она — как ковыльные степи Слобожанщины, солнечные, светлые и радостные.

Это воистину — полуденный поэт!

*Я солнце страстью ящериц люблю,
Я чую просветленье беспричинно,
Когда июльский зной мне дышит в спину —
шершаво, словно в парус кораблю...*

Или ещё:

*И сагайдак мне дарит Сагайдачный,
И в грудь вонзает твёрдые глаза.
И вот, скольжу дугой меридиана,
Лечу в огромном сне, всё ускоряясь,
По зову рода, по магниту крови —
Чумацким Шляхом, муравой шелковой
Спешу на юг с тоской неодолимой...*

Но входят в его поэзию и мотивы суровой действительности:

*В этот век срамоты,
в эти дни оловянного взора
Нам осталось так мало живых,
исцеляющих слов,
Что мне жаль умереть
посреди оскуденья и мора,
Разуверившись в правде,
что слово — в основе основ.*

Поэзия С. Шелкового — повод вспомнить старый спор о «физиках и лириках». Он — доцент Политехнического института, словом, «физик» по профессии. Но я убеждён, что его талант лирика — это Божий дар, помогающий ему жить, работать и так самозабвенно любить весь мир.

Сергею Шелковому присуще то самое вдохновение, которое, как говорил Пушкин, нужно и в геометрии, и в поэзии. Это прекрасное качество наверняка присутствует и в его лекциях, и в научных исследованиях, во всей его жизни. И это чрезвычайно важно именно сейчас, когда рационализм становится болезнью века и всё больше разъедает связь людей с миром, космосом, духовностью, без чего не может быть Человека!